

Дин Ханьбай повернулся спиной:

— Залезай, я тебя понесу.

Цзи Шэньюй, стиснув зубы от боли, прошептал:

— Нет... ноги...

Дин Ханьбай тут же принялся ощупывать его ноги:

— Сломал?

Он почувствовал, что ноги Цзи Шэньюя плотно сжаты и мелко дрожат. Его руки поднялись выше и нащупали, что тот судорожно прикрывает себя между ног.

— Черт... — Дин Ханьбай запаниковал. Не заботясь о том, придут ли в себя те мерзавцы и не сбегут ли они, он подхватил Цзи Шэньюя на руки и изо всех сил бросился к выходу из переуллка.

Трое парней, возвращавшихся после ночного перекуса, шли рядом. Цзян Тинэнь даже прихватил для Цзи Шэньюя порцию куриного супа с рисом. Не дойдя до переуллка, они увидели, как из темноты выскочил Дин Ханьбай, прижимая к себе кого-то с длинными развевающимися волосами.

Дин Ханьбай обернулся и крикнул:

— Второй, за руль! Третий и четвертый, бегом ловить тех двоих!

Этот рев в сочетании с пугающим выражением лица Дин Ханьбая поверг остальных в шок. Дин Эрхэ, придя в себя, тут же бросился открывать дверь машины, а Дин Кэюй и Цзян Тинэнь рванули в переулок.

Дин Ханьбай уселся на заднее сиденье, прижимая к себе Цзи Шэньюя. От малейшего движения тот начинал сдавленно вскрикивать от боли, поэтому Дин Ханьбай замер, не решаясь пошевелиться, и просто усадил его к себе на колени. Цзи Шэньюй непрерывно дрожал, свернувшись в его объятиях, словно вареная креветка. Холодный пот с его лица пропитал рубашку Дин Ханьбая, а затем у себя на шее он почувствовал жар и понял, что Цзи Шэньюй закусил губу и беззвучно плачет.

Когда они жгли бумагу для Цзи Фансюя, он не проронил ни слезинки. Насколько же невыносима должна быть эта боль сейчас?

Дин Ханьбай, мечась между тревогой и яростью, рявкнул на Дин Эрхэ:

— Чья это была идиотская идея?!

У Дин Эрхэ вспотели ладони, руль выскальзывал из рук:

— Мы все вместе решили... — в этот момент их обогнала другая машина. Дин Ханьбай был готов пнуть водительское кресло: — Ты, мать твою, водить умеешь?!

Грудь Дин Ханьбая ходила ходуном. Только сейчас он толком разглядел одежду Цзи Шэньюя: платье разорвано, парик сбит набок, на рубашке оторваны пуговицы... Что за чертовщина!

Не успел он выплеснуть гнев, как Цзи Шэньюй, прильнув к нему, прошептал сквозь слезы:

— Я... я теперь стану инвалидом? Мне страшно...

Дин Ханьбай в ярости воскликнул:

— Страшно тебе? А когда ты нарядился девчонкой, чтобы соблазнять подонков, тебе не было страшно? Хорошо еще, что этим ублюдкам было без разницы, кого лапать, иначе досталось бы тебе сзади так же, как и спереди!

Выругавшись, он поторопил Дин Эрхэ, а затем сорвал с Цзи Шэньюя обрывки платья и парик, укутал его в свою куртку и тихо добавил:

— Скоро больница. Врач осмотрит, и боль пройдет. Вытри слезы.

Цзи Шэньюй не шелохнулся — возможно, голос Дин Ханьбая был слишком тихим. Но ничего не поделаешь: орать-то он умел громко, а вот утешать — стеснялся.

Дин Ханьбаю пришлось самому вытирать слезы Цзи Шэньюя, но они лились только сильнее — казалось, он сам прочувствовал эту мужскую боль. Наконец они добрались до больницы. Дин Ханьбай понес его на прием, но когда врач спросил о причине травмы, он впервые в жизни запнулся.

— Встретил... встретил извращенцев, — выдавил он, а затем поспешно вышел, отправив Дин Эрхэ в кассу, чтобы оплатить возможную операцию или госпитализацию.

За задернутой ширмой был слышен только голос врача у кровати. Раздался короткий звук молнии, с Цзи Шэньюя сняли штаны, и следом врач издал возглас удивления, посоветовав парню больше не терпеть и выплакаться.

Дин Ханьбай, подслушивая у стены, не выдержал и крикнул:

— Доктор, он... он не стал инвалидом?

Врач промолчал, лишь слышалось, как Цзи Шэньюй зарыдал еще сильнее. Дин Ханьбай, терзаемый тревогой и верный своему чувству старшего брата и гуманизму, снова крикнул:

— Доктор, ему еще нет семнадцати! Вы обязаны его вылечить, деньги не проблема!

Плач постепенно стих, сменившись прерывистыми всхлипами. Дин Ханьбай подумал: наверное, именно так выглядела сцена оскпления евнухов в древности. Не успел он додумать, как врач отодвинул ширму и посмотрел на него поверх очков.

— Доктор, говорите как есть, я выдержу.

— У него нет повреждений в том самом месте, так что выдерживать тебе нечего.

Дин Ханьбай взял рецепт, пытаясь разобрать почерк. Узнав, что нужно лишь наблюдение и лекарства, он просиял:

— Значит, ничего серьезного?!

Врач объяснил, что жизненно важные органы не задеты, но место это само по себе очень чувствительное, поэтому болит невыносимо, а парень, похоже, совершенно не умеет терпеть боль.

Дин Ханьбай заглянул за ширму. Цзи Шэньюй еще не успел одеться, он сидел, подогнув ноги, а место между ними покраснело до багрового цвета. Дин Ханьбай помог ему одеться, следя, чтобы тот не делал резких движений, и дождался, пока медсестра обработает остальные ссадины.

Было уже за два часа ночи. В коридоре никого не было. Дин Ханьбай нес Цзи Шэньюя на руках, не ругаясь и не утешая — они просто тихо шли.

Цзи Шэньюй, запинаясь от боли, спросил:

— Ты устал?

Дин Ханьбай мог часами заниматься резьбой, не зная усталости, а тут — всего лишь немного подержать человека на руках. Но он ответил:

— А как же? Когда я заболею, будешь носить меня ты.

Цзи Шэньюй промолчал, всхлипнул и закрыл глаза, но тут же снова открыл их:

— Я не хочу оставаться в больнице.

Это было слишком унижительно, он не мог себе этого позволить.

Дин Ханьбай не стал настаивать и унес его домой. Когда они вернулись, прожектор у стены снова горел, будто дожидаясь их. Дин Ханьбай уложил Цзи Шэньюя в кровать в маленьком дворике и дал обезболивающее.

Цзи Шэньюй, пропитанный холодным потом, даже не стал переодеваться — как только боль начала стихать, он провалился в тяжелый сон.

Была глубокая ночь. Дин Ханьбай знал, что вся семья не спит, но каждый старался не подавать виду, чтобы другие могли спокойно отдохнуть. Он вернулся в передний двор, вытащил из гостевой комнаты Цзян Тинэня и потребовал объяснений.

Цзян Тинэнь, как обычно, во всем признался и выложил всё как на духу.

— А те двое? Ты с четвертым их поймали?

— Один сбежал, а тот, что остался... он потерял много крови. Цзи Шэньюй полоснул его резцом от груди до пупка — одним движением, глубоко и длинно...

Дин Ханьбай вспомнил те два крика. Первый был коротким и резким, но с такой раной... у Цзи Шэньюя была удивительно твердая рука. Он посмотрел на Цзян Тинэня так, что тот испугался и начал умолять о прощении.

— Ладно, размазня, — сказал Дин Ханьбай. — Цзи Шэньюй пострадал, так что искупай вину: ухаживай за ним. Не умеешь — просто сиди рядом, развлекай разговорами.

Цзян Тинэнь закивал, как заведенный:

— Старший брат, а как же второй и третий? Они тоже будут ухаживать?

Дин Ханьбай проигнорировал его и ушел. Он гасил свет в коридорах, оставляя за собой темноту, пока не дошел до восточного двора. Дин Хоукан, услышав шаги, вышел в накинутом халате, но не стал никого прогонять — видимо, чувствовал вину перед сыном.

— Второй дядя, иди спи, — сказал Дин Ханьбай.

Он напрямик направился в спальню Дин Кэюя, выбил дверь, вытащил его из постели, швырнул на пол и пару раз пнул. Вопли Дин Кэюя привлекли Дин Эрхэ, и Дин Ханьбай не преминул проучить их обоих.

Двое из трех братьев лежали на полу. Дин Хоукан в отчаянии метался по двору:

— Ханьбай, это же твои родные двоюродные братья!

Подразумевалось, что Цзи — всего лишь чужак.

Дин Ханьбай не переодевался, он был весь в пыли, что очень подходило к ночному мраку. Он остановился в дверях, его голос охрип:

— Второй дядя, ошибка есть ошибка, родство тут ни при чем. Это мелкая оплошность, проучу — забудем. Но если кто-то совершит нечто серьезное, разговор будет совсем другим.

Он вернулся к себе, чтобы поспать — он был смертельно устал и, едва коснувшись подушки, провалился в сон.

Ночь выдалась беспокойной. На рассвете Цзи Шэньюй проснулся от боли. Капли пота стекали по его лицу, виски были мокрыми. Он лежал, боясь пошевелиться: боль была такой острой, что любое напряжение или расслабление отдавалось во всем теле. Губы и щеки стали мертвенно-бледными.

Когда совсем рассвело, пришла Цзян Цайвэй, спрашивая, как он. Цзи Шэньюй соврал, что всё в порядке — он боялся, что она войдет, и тогда ему оставалось бы только вскрыть вены. Когда она ушла, пришел Цзян Тинэнь с тазом и кувшином, чтобы помочь умыться.

Они заперли дверь. Пока они возились с одеждой, Цзян Тинэнь честно признался:

— Знаешь, прошлой ночью старший брат избил второго и третьего, а меня не тронул.

— Почему? — спросил Цзи Шэньюй.

— Я был соучастником! К тому же, я ведь пришел ухаживать за тобой, не злился на меня.

Цзи Шэньюй понимал, что план был неплох, просто всё пошло не по сценарию, но эта случайность показала, что всем на него плевать. Впрочем, он понимал: кто он такой, чтобы его ценить?

Он надел короткую футболку и проглотил таблетку:

— Поможешь помыть голову?

Цзян Тинэнь, хоть и был не лучшим помощником, старался как мог. Цзи Шэньюй свесил голову с края кровати, и тот начал мыть ему волосы. Простыня намочла, вода в кувшине кончилась, и Цзян Тинэнь побежал за горячей.

По пути он встретил Цзян Шулю, ответил на ее вопросы о состоянии Цзи Шэньюя, зашел в гостиную, поставил завтрак, да так и забыл про голову.

Цзи Шэньюй с мокрыми волосами ждал в тоске. Послышались шаги — тяжелые и уверенные, совсем не как у Цзян Тинэня.

Дин Ханьбай только проснулся:

— Столько воды... я уж подумал, ты от боли под себя сходил.

Он подошел, подхватил голову Цзи Шэньюя, вспенил шампунь и, сев на край кровати, занял место Цзян Тинэня. Цзи Шэньюй смотрел на него снизу вверх:

— Старший брат, ты правда вчера побил второго и третьего?

Дин Ханьбай хмыкнул, втирая пену в лицо парня:

— Побить их за то, что они ввязались в драку — это одно. Но то, что они заодно обидели тебя — другое. Я бил их не только чтобы выпустить твой пар, но и чтобы...

— Чтобы что? — спросил Цзи Шэньюй.

— Чтобы навести порядок в семье, — ответил Дин Ханьбай.

Пена становилась всё гуще. Наконец вернулся Цзян Тинэнь с горячей водой. Цзи Шэньюй, вымыв голову, с трудом сел на промокшую простыню, чувствуя себя неловко. Дин Ханьбай подхватил его на руки и вынес наружу, оставив Цзян Тинэня менять белье.

Они стояли под навесом, наблюдая, как сорока приземлилась на каменный стол и утащила кусочек завтрака.

Дин Ханьбай сказал:

— Мне двадцать лет, я свою жену еще ни разу на руках не носил, а тебя вот — бесконечно.

В объятиях было тихо. Цзи Шэньюй уснул прямо у него на плече — видимо, за ночь так и не выспался. Позже Дин Ханьбай устроил его поудобнее, сходил с Цзян Цайвэй в участок, оформил протокол и только потом вернулся.

Сорока, наевшись, весело щебетала на ветке, к ней присоединились воробьи и голуби — в саду зазвучал настоящий птичий хор.

Вечером, выйдя из мастерской, Дин Ханьбай услышал этот шум и поморщился. Он подошел к окну северной комнаты и спросил:

— Что-то болит — зови, чего ты там стонешь?

Цзи Шэньюй, красный до кончиков ушей, ответил:

— Живот болит.

Действие лекарства закончилось, рана ныла, отдавая в низ живота. Он сжимал ноги, пытаясь сдержаться, но невольно издавал стоны. Дин Ханьбай вошел, положил большую ладонь на его живот, и Цзи Шэньюй едва не закричал.

— Сегодня ходил в туалет? — спросил Дин Ханьбай.

Цзи Шэньюй покачал головой. Он не то что в туалет — встать не мог, а там всё распухло... Дин Ханьбай подхватил его и понес в уборную, ворча на весь двор:

— Не от боли помрешь, так от разрыва мочевого пузыря! Со вчерашнего дня терпишь, хочешь, чтобы тебя затопило?

Лицо Цзи Шэньюя пылало от стыда, смешанного с болью. Дин Ханьбай поставил его перед унитазом и, не уходя, отошел на пару шагов. От боли внизу живота Цзи Шэньюй едва не потерял сознание, перед глазами всё поплыло.

Ночью Дин Ханьбай привязал к окну медный колокольчик, протянув шнурок к подушке Цзи Шэньюя.

Первая половина ночи прошла спокойно, но около четырех часов раздался звон, всполошивший птиц в саду. Дин Ханьбай, не открывая глаз, выбрался из постели и, полуголый, поспешил в соседнюю комнату.

Цзи Шэньюй снова терпел до последнего. После того как Дин Ханьбай помог ему, он рухнул прямо на его кровать:

— Я больше не пойду. Все равно скоро вставать, умываться, посплю здесь...

Цзи Шэньюй укрыл его одеялом, чувствуя неловкость.

Они проспали вместе до рассвета. Дин Ханьбай проснулся рано и увидел, что Цзи Шэньюй смотрит в потолок — видимо, от боли так и не смог уснуть.

— Еще хочешь? — Дин Ханьбай усмехнулся в ответ на его отрицательный жест. — Замучил ты меня. Мазать?

Цзи Шэньюй снова покачал головой:

— Нужно проветрить, нельзя носить штаны.

— Ну и проветривай, — Дин Ханьбай удивился, а потом, поняв в чем дело, добавил с пренебрежением: — Ты что, боишься, что я увижу? У меня что ли такого нет? Тоже мне, нашел чем хвастаться.

Цзи Шэньюй был готов провалиться сквозь землю. Он отвернулся и осторожно снял штаны. Дин Ханьбай принес горячее полотенце и мазь. Под одеялом, от стыда, Цзи Шэньюй почти забыл о боли.

Дин Ханьбай снова улегся, потянувшись за подушкой, и нащупал что-то твердое и холодное.

Достал — оказалось, маленький резец.

— Нож под подушкой? Ты от кого защищаешься?

Цзи Шэньюй не успел ответить, как тот добавил:

— В ту ночь ты полоснул того ублюдка ровно посередине, от груди до пупка.

Цзи Шэньюй тихо усмехнулся:

— Я хотел, чтобы он был симметричным...

Дин Ханьбай поднес резец к глазам:

— А это? Тоже хочешь сделать мне симметричный разрез?

Дин Ханьбай был с голым торсом, Цзи Шэньюй — без штанов, под одним одеялом. Их взгляды встретились. Несмотря на бессонную ночь, спать больше не хотелось.

Цзи Шэньюй достал из-под подушки кусок камня «куриная кровь» — кроваво-красный вперемешку с молочно-белым, идеально квадратный, с вырезанным сверху букетом роз.

Он не мог уснуть от боли и всю ночь провел за резьбой.

Даже без полировки камень выглядел ошеломляюще. Дин Ханьбай замер, а Цзи Шэньюй спросил:

— Тебе больше нравятся красные розы или белые?

Дин Ханьбай выхватил камень и крепко сжал его в руке:

— Мне нравятся сиреневые.

Цзи Шэньюй промолчал, словно что-то внутри него оборвалось.

Глава 21

На восстановление после травм уходит сто дней, а если травма в таком месте — тем более. Так, за лечением, пролетело лето.

За день до начала занятий Цзи Шэньюй отправился к Дин Яньшоу, чтобы тот помог

договориться об отгуле. Путь от спальни до кабинета занял полчаса — он двигался медленнее, чем старушка с перебинтованными ногами. Боль почти прошла, но ходить было по-прежнему тяжело.

Кабинет был завален книгами, камнями, красками и бумагами. Дин Яньшоу сидел за столом, и из-за куска нефрита была видна только его макушка.

— Учитель? — позвал Цзи Шэньюй. — Вы заняты?

— Даже если занят, всегда найду время для ученика. К тому же, не так уж я и занят.

Цзи Шэньюй забыл о боли и, просияв, подошел ближе. Он разглядел материал — темно-зеленый нефрит, идеальный квадрат, на котором была вырезана треть горы с соснами.

— Учитель, делаете ширму?

Дин Яньшоу кивнул:

— Как себя чувствуешь? Давай со мной, нечего тебе одному скучать.

Цзи Шэньюй тут же засучил рукава, вымыл руки и взялся за кисть. Только начав рисовать эскиз, он вспомнил цель визита:

— Учитель, я пришел попросить вас договориться с моим учителем об отгуле.

Дин Яньшоу отложил кисть и взял телефон:

— Скажу, что ты получил травму, возьмем неделю?

— Нет! Кто же признается, что получил травму в таком месте? Учитель подумает невесть что...

Дин Яньшоу посмотрел на него:

— Мой учитель с детства учил меня, что нельзя лгать.

Эта фраза сбила Цзи Шэньюя с толку. Пока он соображал, Дин Яньшоу уже начал набирать номер. Цзи Шэньюй выхватил трубку и положил её:

— Я лучше попрошу кого-нибудь другого. В семье Дин столько людей, но, похоже, только вы не умеете лгать.

Дин Яньшоу опешил от такой дерзости и, надувшись, продолжил рисовать, не проронив ни слова — настоящий старый вредина. Цзи Шэньюй стоял рядом, вырисовывая далекие горы и сосновые иглы. Дин Яньшоу взглянул на рисунок и не выдержал:

— Хорошо рисуешь, от Фансюя перенял всё до последней черточки.

Цзи Шэньюй скромно ответил:

— Старший брат рисует еще тоньше, мне до него далеко.

Дин Яньшоу фыркнул:

— Не упоминай его! В нашем деле нужно тонкое чутье, я его учил, за границу отправлял, а он мало того что деньги там спускал, так еще и на другую специальность перевелся.

Цзи Шэньюй впервые узнал, что Дин Ханьбай учился за границей:

— А на кого учился старший брат?

— На кого-то там... бизнес-администрирование! — Дин Яньшоу в ярости стукнул кистью о чашу для воды. — На что там учиться в этом Юй Сяоцзи? Он что, решил из лавки нефритовый универмаг сделать?

В Бюро по охране культурных реликвий Дин Ханьбай беспрерывно чихал, подозревая, что его кто-то поносит. Он не придал этому значения, достал из шкатулки печать с розами, макнул в красную пасту и поставил оттиск на бумаге — изящные иероглифы в стиле Шоуцзинь.

Весь день он был в ударе: подготовил отчеты, подписал разрешения на вывоз культурных ценностей, составил план совещания по наследию и даже написал жалобу в столовую, чтобы в свинину клали меньше перепелиных яиц.

Алые оттиски украшали документы. Отправив их в кабинет директора, он с довольным видом ждал одобрения. Но к концу дня Дин Ханьбай начал проклинать Чжан Иня за медлительность.

Наконец, за пять минут до конца рабочего дня, Чжан Инь появился в дверях:

— Дин Ханьбай, зайти.

Дин Ханьбай привык к таким вызовам еще со времен учебы. Он вошел и закрыл дверь:

— Директор Чжан, что-то случилось?

На столе лежали его документы.

— Что это за печать? Ты возомнил себя директором Бюро? Перепечатай всё и подпишись как положено.

— А вам не кажется, что печать красивая? — не унимался Дин Ханьбай.

— Это же просто стиль Шоуцзинь. Или ты думаешь, Хуэй-цзун воскрес, чтобы тебе её вырезать?

Не задерживай меня, я хочу домой.

Это не испортило Дин Ханьбаю настроения. Он не спеша ехал домой на велосипеде. Скоро сентябрь, лето сменяется осенью, скоро жара спадет.

Придя домой, он первым делом пошел мыться. Проходя мимо комнаты Цзи Шэньюя, он увидел, что дверь открыта, но внутри никого нет.

Цзи Шэньюй закончил работу над ширмой, но от напряжения боль вернулась. Вернувшись в комнату, он запер дверь, намочил полотенце, чтобы освежиться, снял обувь и, забравшись на кровать, осторожно приподнял рубашку и спустил штаны.

Дин Ханьбай, приняв душ, вернулся и удивился: дверь заперта? Он подошел к окну и заглянул в узкую щель.

Глупость, конечно. Разве нельзя запереться?

Но было поздно: в комнате играли тени. Юноша лежал на боку, обнажив белую шею, мягкая ткань рубашки сбилась на талии. Свет падал так, что его поясница казалась перетянутой золотистой нитью, а округлость бедра скрывалась в тени.

Дин Ханьбай отпрянул, сглотнул слюну, чувствуя, как его бросило в жар.

Он замер, размышляя: что тут такого, чего нельзя видеть? Разве забота о больном не естественна? Он должен убедиться, что всё в порядке.

Раздался скрип — Дин Ханьбай распахнул окно настежь. Цзи Шэньюй, прислонившись к изголовью, смотрел на него, уже успев натянуть одежду. Дин Ханьбай перемахнул через подоконник, закрыл окно и, подойдя к кровати, спросил сверху вниз:

— Почему заперся?

<http://bllate.org/book/19144/1880225>